

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЕТА

СОТРУДНИКИ, входившие сто и дело в его кабинет, останавливались в нерешительности: напротив профессора Т. И. Ерошевского сидела плачущая навзрыд девушка, и Тихон Иванович вынужден был объяснять коллегам:

— Внучка, просится к нам на работу.

Казалось бы — чего проще. Родной дед — руководитель кафедры медицинского института, сама девушка специализировалась по глазным болезням. Сокурсники были уверены, что распределение Лена получит именно сюда. И только она знала, что все не так просто.

Росла Елена Ерошевская в медицинской семье, традиции которой были заложены еще дедом и бабушкой. Два поколения Ерошевских посвятили себя медицине, причем еще и одному ее направлению — лечению болезней глаз. Лена и ее сестры, представители третьего поколения, тоже поступили в медицинский.

Но если другие члены семьи были просто хорошими специалистами, то профессор Ерошевский достиг в науке самых почетных высот, это его называли «патриархом советской офтальмологии». Это во многом благодаря его усилиям куйбышевские офтальмологи заняли одно из ведущих мест в стране, а их исследования определили успех исцеления слепоты многим и многим больным. Он создал при кафедре глазных болезней единственную в стране проблемную лабораторию по изучению глаукомы и банк роговицы глаза. Перечисление одних высоких званий профессора — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, почетный гражданин Куйбышева и нескольких других городов, в том числе зарубежных — говорит само за себя. Его имя присвоено Куйбышевской глазной больнице.

И вот просится к нему на работу старшая внучка, внучка любимая, но это ведь еще не повод для занятий наукой на его кафедре. Хотя в глубине души, наверное, хотелось Тихону Ивановичу, чтобы среди продолжателей его дела были самые близкие люди. Но как, за какие такие заслуги выделить внучку среди десятков студентов? Достояна ли она этого?

И вот визит в его рабочий кабинет. Слезы, заверения — не это сыграло главную роль. Будучи еще и талантливым педагогом, Тихон Иванович усматривал в девушке некоторые задатки будущего ученого: верность избранной цели, желание до-

статочно разобраться в проблеме, стремление расширить свой научный кругозор, работоспособность.

Одно условие было непременно — на помощь деду не рассчитывать. Доказать, что сама можешь и хочешь работать. Условие, конечно же, было принято — и Ерошевская стала на кафедре лаборантом.

О кандидатской не смела и заикаться, но все видели, что долгие часы новая лаборантка проводит в vivарии, за опытами над кроликами. Руководил ее работой кандидат медицинских наук В. М. Малов.

— Приходилось только удивляться ее упорству, — вспоминает он сейчас. — Случалось, делала за день кроликам до десяти операций, а после рабочего дня оставалась, чтобы проанализировать, осмыслить полученные результаты.

В выходные шла к деду — у него богатейшая библиотека по офтальмологии, много иностранных изданий. «Почитать пришла?» — спрашивал Тихон Иванович и демонстративно уходил в другую комнату.

Ее все чаще брали ассистировать при уникальных сложных операциях, которые под силу немногим. Потом была первая самостоятельная операция — и Елена, повторив жест хирургов-офтальмологов, которые после операции показывают прооперированному ладонь:

— Видите?

Услышала: — Вижу, доктор, очень хорошо вижу!

Тогда впервые испытала она чувство, которое трудно выразить словами, — чувство своей необходимости людям, рожденное тем, что незрячий обрел зрение, что теперь он благодаря твоему умению и знаниям будет видеть мир. Чувство, которое питает новыми силами, придает энергии, зовет к новым поискам.

Настал день, когда Елена перешагнула порог профессорского кабинета с толстой рукописью в руках.

Это было самостоятельно написанная ею кандидатская диссертация на соискание звания кандидата медицинских наук. Работа, не намеченная ни в каких планах. Путем наблюдений и экспериментов Елена Брониславовна установила природу случающихся еще осложнений после имплантации искусственного хрусталика, определила, как поступать в случаях неблагоприятного исхода.

Ценность работы не вызвала сомнений, выводы были хорошо аргументированы...

Диссертация состоялась. Полностью работу Ерошевской оценили член-корреспондент Академии медицинских наук СССР А. П. Нестеров,

директор Института микрохирургии глаза, член-корреспондент АМН СССР С. Н. Федоров, профессор Д. С. Кроль и другие.

Ерошевская стала одним из ближайших помощников Тихона Ивановича. Вместе с дедом и кандидатом медицинских наук В. М. Маловым она получила авторское свидетельство изобретателей на линзу с «усиками» — эластичными опорными элементами, которыми крепится хрусталик. Эта модель больше не ограничивает естественную подвижность зрачка. (Всего же куйбышевские офтальмологи используют девять модификаций хрусталиков).

...**ЕЛЕНА** Брониславовна показала мне миниатюрные инструменты, почти невидимые иглы и нитки, применяемые при операциях на глазу. Кажется невозможными вообще какие-либо манипуляции с ними, какой же виртуозностью должен обладать хирург, как должны быть выверены его движения и даже вздохи, чтобы с помощью этих микрощипцов, микроигл творить чудо возвращения света!..

— Я все ждала, когда же будет больно, — рассказывала больная М., — мне говорили, что будет больно от укола, но даже прикосновения иглы не почувствовала. У Елены Брониславовны волшебные руки. Прошло два месяца после операции, а я уже вижу этим глазом четыре строки в таблице. До операции только свет различала.

— Скажите, доктор, а глаз так и будет меньше здорового? — спрашивает молодая женщина, потерявшая зрение в результате травмы.

— Доктор, а смогу ли я снова работать водителем? — интересуется парень из Тольятти.

Ерошевская успокаивает и не меньше их радуется сама, что имеет право сказать так.

...У пациентки Антонины Д. зрение стало ухудшаться с шестилетнего возраста. Наступила почти полная слепота одного глаза. Ни ее родители, ни она сама не предприняли своевременно ничего, чтобы спасти глаз, просто не знали, что такие средства существуют. И вот в тридцать лет, услышав от кого-то о возможности лечения, она обратилась к окулисту. «Поздно, — сказал тот, — глаз не привык работать, и хирургическое вмешательство не даст результата». Антонина рискнула обратиться в знаменитую куйбышевскую клинику. Письмо ее взволновало Елену Ерошевскую.

— Тихон Иванович учил нас, — вспоминает теперь Елена, — если есть хоть один шанс, надо постараться использовать его. Случается, что таким больным отказывают, слишком мала вероятность благоприятного исхода.

Но шанс был, и мы решились. Сегодня у этой женщины зрение почти идеальное. Придя на очередную консультацию, она не может сдержать слез радости.

Десятки писем с просьбой помочь приносит почта каждую неделю в Куйбышевскую глазную больницу. Пишут люди со всех концов страны. Куйбышевские офтальмологи не раз утверждали свое высокое звание одной из лучших клиник, идя на самые рискованные операции.

— Многие делаем мы для распространения опыта, обучения секретам мастерства специалистов из других областей, — сказал исполняющий обязанности заведующего кафедрой глазных болезней, профессор В. А. Мачехин. — Хирурги В. М. Малов и Е. Б. Ерошевская — первые помощники в этом деле. То, чего добились Елена Брониславовна в науке за сравнительно короткий срок, говорит само за себя. От себя же могу добавить, что это человек чрезвычайно скромный, с паразитической работоспособностью. Никогда не отказывает она в помощи в общественной работе, все, за что берется, делает тщательно и доводит до конца. Такими людьми, как Елена, и сильна наша кафедра, клиника в целом. Словом, Елена Ерошевская доказала, что она не случайный человек в офтальмологии.

— Вот я тоже читаю лекции студентам, — говорит В. М. Малов, — но, пожалуй, не умею заразить такой любовью к офтальмологии, как это удается Елене. Студенты после ознакомления с ее курсом о другой специальности и слышать не хотят. А в институте ей уже в шутку грозят: уймите, мол, пыл, а то вы всех в свою веру обратите, кто других больных лечить будет?

Перед Новым годом пришло на имя Елены Брониславовны Ерошевской взволновавшее ее письмо: «...только сегодня узнал о кончине Вашего дедушки, ушел из жизни такой драгоценный человек. Я часто бывал у него на консультациях, и, несмотря на тяжелый мой случай, он не бросил меня в безнадежности. Поклонитесь его могиле от меня за его славную жизнь, за воспитание такого чуткого коллектива вашей больницы. Я желаю Вам стойчески перенести эту утрату. Пусть память о дедушке вооружит Вас на дальнейшие добрые дела и придаст большую энергию...»

— За зрение этого человека наш коллектив боролся долгие годы, — рассказывает Елена, — но все попытки давали только кратковременный эффект. Мы не всеисильны... Но останавливаться в поисках нельзя. Чтобы оказать помощь со временем и этому человеку и многим другим, ждущим ее от нас.

Л. БОРОДИНА.